

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

П. Коллиер

Исход: как миграция изменяет наш мир

КОЛЛИЕР Пол (Collier, Paul) — профессор экономики и государственной политики факультета управления им. Л. Блавантика Оксфордского университета; содиректор Центра изучения африканских экономик. Адрес: Великобритания, Оксфорд, OX1 4JJ, ул. Мертона, д. 10.

Email: paul.collier@economics.ox.ac.uk

Перевод с англ. Николая Эдельмана.

Книга «Исход: как миграция изменяет наш мир» профессора Пола Коллиера является продолжением его экономических исследований беднейших государств современного мира. Внимание автора сосредоточено на последствиях миграции из развивающихся стран в богатые западные государства. Для достижения поставленной цели П. Коллиер пытается ответить на три группы вопросов: (1) почему мигранты принимают решение о переезде из одной страны в другую? (2) приносят мигранты вред или пользу своим соотечественникам? (3) какое влияние мигранты оказывают на граждан принимающих их государств? В поисках ответов автор опирается на обобщения специализированных исследований в области общественных наук и моральной философии.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу — «Табуированная тема» («The Migration Taboo») — данной книги. В ней профессор Коллиер ставит проблему исследования, утверждая, что в настоящее время изучение миграции бедных людей в богатые страны во многом избегается. Причина этого, в частности, в том, что данная тема сопряжена с социально напряжёнными вопросами, например с национализмом и расизмом. Выход из данной ситуации автор видит в том, чтобы переформулировать ключевой вопрос для исследования: не пытаться дать оценку этому явлению в терминах «хорошо — плохо», а нацелиться на установление оптимальности миграционных потоков для стран — источников и принимающих государств.

Ключевые слова: бедность; глобальная экономика; миграционная политика; национальная идентичность; нравственные ценности; экономический анализ.

Глава 1. Табуированная тема

Миграция бедных людей в богатые страны представляет собой феномен, перегруженный опасными ассоциациями. Сохранение массовой бедности в странах «нижнего миллиарда» — это вызов XXI века. Многие молодые люди горят желанием покинуть свои родные страны, зная о более богатой жизни в других местах. И некоторым из них это удаётся с помощью различных легальных и нелегальных средств. Каждый конкретный исход — это триумф человеческого духа, храбрости и изобретательности, преодолевающих бюрократические барьеры, возведённые трусливыми богачами. С этой эмоциональной точки зрения любая миграционная политика, кроме политики открытых дверей, является подлостью. Однако ту же самую миграцию можно подать и как проявление эгоизма: игнорируя ответственность перед другими, находящимися в ещё более отчаянных обстоятельствах, трудя-

Источник: Коллиер П. (готовится к публикации). *Исход: как миграция изменяет наш мир*. М.: Изд-во Института Е. Т. Гайдара. Пер. с англ.: Collier P. 2013. *Exodus: How Migration is Changing Our World*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Публикуется с разрешения Издательства Института им. Е. Т. Гайдара.

щиеся бросают тех, кто от них зависит, а предприимчивые предоставляют менее энергичных своей участи. В этом случае при выборе миграционной политики следует учитывать не принимаемое во внимание самими мигрантами влияние миграции на тех, кто остаётся дома. Более того, миграцию можно понимать и как акт империализма наоборот — как месть со стороны бывших колоний. Мигранты создают в принимающих их странах свои колонии, отнимающие средства существования у местной бедноты, конкурируя с ней или подрывая её ценности. И тогда миграционная политика должна защищать тех, кто живёт там, где жил. Пусть миграция неизбежно сопряжена с душевными переживаниями, но эмоциональная реакция на предполагаемые последствия может направить политику в какую угодно сторону.

Вопрос миграции был политизирован ещё до того, как подвергся анализу. Переселение людей из бедных стран в богатые — простой экономический процесс, однако он приводит к очень непростым результатам. Политика в сфере миграции должна это учитывать. В настоящее время как страны — источники миграции, так и страны, принимающие мигрантов, проводят самую разную миграционную политику. Власти некоторых стран — источников миграции активно содействуют эмиграции и осуществляют официальные программы по сохранению связей со своими диаспорами, в то время как власти других стран ограничивают выезд за рубеж и относятся к своим диаспорам как к врагам. Между странами, принимающими мигрантов, существуют колоссальные различия в плане общих темпов разрешённой иммиграции: Япония превратилась в одно из самых богатых обществ в мире, будучи совершенно закрытой для иммигрантов; эмират Дубай тоже стал одним из самых богатых обществ на Земле, но с помощью иммиграции, которая шла такими быстрыми темпами, что в настоящее время коренные жители эмирата составляют лишь 5% его населения. Страны различаются в плане отношения к составу мигрантов: Австралия и Канада предъявляют значительно более высокие требования к их образовательному уровню, чем США, которые, в свою очередь, более требовательны, чем Европа. Различаются страны и в плане наделяния правами прибывающих мигрантов: где-то они получают полное юридическое равенство с коренным населением, включая право вызывать к себе родственников, а где-то — лишь статус контрактных работников, подлежащих репатриации и не имеющих гражданских прав. Страны различаются и требованиями, предъявляемыми к мигрантам: в одних странах им предписывается проживать в конкретных местах и учить местный язык; в других странах они вправе селиться там, где говорят на их родном языке. Неодинаково и отношение к вопросу ассимиляции и сохранения культурных различий. Более того, мне неизвестны другие сферы публичной политики, в которых наблюдались бы такие же яркие различия. Отражает ли это политическое разнообразие продуманную реакцию на разные обстоятельства? Едва ли. Скорее, причудливые повороты миграционной политики являются следствием сильной эмоциональной окраски данного вопроса и его слабой изученности, что в сочетании создаёт весьма опасную смесь.

Борьба за проведение той или иной миграционной политики ведётся с использованием конкурирующих ценностей, а не конкурирующих фактов.

Ценности могут влиять на итоги анализа как в хорошем, так и в плохом смысле. В первом случае имеется в виду то, что, не определившись с ценностями, мы не имеем возможности делать нормативные оценки, связанные как с миграцией, так и с любыми другими вопросами. Однако этика способна влиять на результаты анализа и в дурном смысле. В своём новом поучительном исследовании специалист по моральной психологии Джонатан Хайдт демонстрирует, что, несмотря на различия между нравственными ценностями, в целом они распадаются на две группы, и убедительно показывает, что — в зависимости от принадлежности к той или иной из них — людям свойственно подчинять свою аргументацию нравственным суждениям по конкретным вопросам, а не наоборот [Haidt 2012]. Предполагается, что логика служит для оправдания и объяснения суждений. Однако в реальности мы хватаемся за логические доводы и используем их для обоснования суждений, уже вынесенных на основе наших нравственных предпочтений. Нет таких значимых вопросов, применительно к которым факты подтверждали бы исключительно ту или иную точку зрения; несомненно, это относится и к миграции. То, какие доводы и факты мы готовы признать, определяется нашими этическими воззрениями. Мы доверчиво относимся к самым сомнительным заявлениям, если они совпадают с нашими ценностями, в то же время с презрением и яростью отвергая те факты, которые им противоречат. Этические предпочтения в отношении миграции поляризованы, и каждый лагерь готов принять только те аргументы и факты, которые поддерживают его предубеждения. Хайдт показывает, что такие грубые перекосы наблюдаются в отношении многих вопросов, а в случае миграции эти тенденции осложняются ещё сильнее. В либеральных кругах, способных вести наиболее взвешенную дискуссию по большинству политических вопросов, на тему миграции наложено табу. Единственная допустимая точка зрения сводится к выражению сожаления о существовании массовой антипатии к миграции. В самое последнее время экономисты начали лучше разбираться в структуре табу. Назначение запретов состоит в защите чувства идентичности путём сокрытия от людей тех фактов, которые могли бы представлять для неё угрозу [Benabou, Tirole 2011]. Табу спасают нас от необходимости затыкать уши, накладывая ограничения на содержание разговоров.

В то время как дискуссии в отношении фактов, в принципе, способны завершиться тем, что одна из сторон будет вынуждена признать свою неправоту, разногласия в отношении ценностей бывают неразрешимыми. Смирившись с этим обстоятельством, мы сможем, по крайней мере, уважать чужие ценности. Я — не вегетарианец, но не считаю вегетарианцев идиотами и не пытаюсь насильно скармливать фуа-гра своим гостям-вегетарианцам. Моя более амбициозная цель состоит в том, чтобы побудить людей к пересмотру выводов, которые они делают на основании своих ценностей. Как объяснил автор книги «Thinking Fast, Thinking Slow» («Думай быстро, думай медленно»), в большинстве случаев мы стараемся избегать сложных размышлений, верно учитывающих факты [Kahneman 2012], предпочитая полагаться на моментально вынесенные суждения, зачастую основанные на наших ценностях. В большинстве случаев такие суждения поражают тем, что они близки к истине, но всё же не стоит им чрезмерно доверять. Задача данной книги в том, чтобы заставить читателя отказаться от моментальных суждений на основе ценностей.

Подобно многим, я начал изучение миграции, имея априорные суждения, сделанные на основе ценностей. Но в процессе работы над данной книгой я пытался забыть о них. Судя по дискуссиям, в которых я участвовал, миграция — это такая тема, которая заставляет почти каждого отстаивать свою точку зрения. Люди склонны подкреплять свои взгляды поверхностным анализом. Но, в соответствии с исследованиями Джонатана Хайдта, я подозреваю, что эти взгляды по большей части основываются на априорных моральных предпочтениях, а не на убедительных доказательствах. Анализ, опирающийся на факты, — сильная сторона экономической науки. Как и многие политические проблемы, миграция имеет экономические причины и последствия, а потому экономика может сказать решающее слово при оценке политики. Наш инструментарий позволяет давать на вопросы о причинах и последствиях проблем, связанных с миграцией, более продуманные формальные ответы, чем те, что нам подсказывает

один лишь здравый смысл. Некоторые итоги миграции, в наибольшей степени затрагивающие простых людей, носят социальный характер. Их тоже можно учесть в экономическом анализе, и я попытаюсь это сделать. Впрочем, экономисты более традиционного толка склонны не придавать итогам миграции имеющие социальный характер значения.

Политические элиты, а от них в первую очередь и зависит выбор политического направления, находятся на распутье: в одну сторону их тянут избиратели со своими опасениями, в основе которых лежат ценностные суждения, в другую — экономисты, выдвигающие односторонние модели. В результате мы получаем шатания. Миграционная политика не только различается от одной страны к другой, но, помимо этого, колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората. Например, в Великобритании двери для мигрантов открылись в 1950-е гг., частично закрылись в 1968 г., снова распахнулись в 1997 г., а сейчас опять закрываются. Колебаниям подвержена и позиция политических партий: из этих четырёх поворотов за два поворота в ту и другую сторону отвечали лейбористы и за два — консерваторы. Зачастую политики, будучи резкими на словах, на деле ведут себя осторожно; обратное случается редко. Более того, порой их как будто бы даже смущают предпочтения, выражаемые их согражданами. Швейцария отличается от многих стран тем, что простые люди имеют здесь право требовать от властей референдумов. Одним из вопросов, по которым проводились эти референдумы, неизбежно оказалась миграция. Средством для выражения массовой озабоченности стал референдум о правилах строительства мечетей. В ходе него выяснилось, что значительное большинство граждан страны выступает против строительства мечети. Швейцарское правительство было так шокировано результатами референдума, что немедленно попыталось объявить их не имеющими силы.

Дело осложняется тем, что нравственная позиция по отношению к миграции переплетается с воззрениями на бедность, национализм и расизм. Современные представления о правах мигрантов диктуются чувством вины за различные несправедливости, допущенные в прошлом. Рациональное обсуждение миграционной политики будет возможно лишь после того, как мы научимся отделять эти соображения друг от друга.

На нас возложено очевидное моральное обязательство помогать очень бедным людям, живущим в других странах, и мы можем оказать им эту помощь, позволив некоторым из них переселиться в богатые страны. Тем не менее обязательство помогать бедным совсем не обязательно влечёт за собой общее обязательство допускать свободное перемещение людей из одной страны в другую. Более того, те, кто считает, что бедным людям следует дать право переселения в богатые страны, скорее всего, первыми выступят против права богатых людей переселяться в бедные страны, поскольку в таком праве им послышатся неприятные отголоски колониализма. Утверждая, что бедные люди в силу своего положения имеют право на миграцию, мы рискуем спутать два вопроса, которые разумнее рассматривать по отдельности: обязанности богатых по оказанию помощи бедным и право свободного передвижения между странами. Мы вовсе не обязаны наделять людей правом на миграцию, чтобы выполнить свой долг перед бедными. Существует много способов помогать бедным: даже если данное общество решило не открывать свои двери мигрантам из бедных стран, оно может проявлять больше щедрости по отношению к бедным обществам в других политических сферах. Например, правительство Норвегии ввело довольно жёсткие ограничения на иммиграцию, но при этом осуществляет достаточно щедрые программы помощи третьему миру.

Моральное обязательство бороться с глобальной бедностью порой выливается в идею о праве на миграцию, и его более серьёзным последствием является отвращение к национализму. Хотя национализм не обязательно сопряжён с ограничениями на иммиграцию, несомненно и то, что при отсутствии националистических настроений не было бы и основы для таких ограничений. Когда люди, живущие

на данной территории, отождествляют себя друг с другом не сильнее, чем с иностранцами, было бы странно, если бы они совместно согласились ввести ограничения на прибытие иностранцев — ведь для них не существовало бы «своих» и «чужих». Таким образом, при отсутствии национализма было бы сложно ограничивать иммиграцию, исходя из этических соображений.

Не следует удивляться тому, что отвращение к национализму, который неоднократно приводил к войне, наиболее распространено в Европе. Создание Европейского союза представляло собой благородную попытку отбросить это наследие. Естественным следствием отвращения к национализму служит отвращение к границам: знаковым достижением Европейского союза является свободное передвижение европейцев в его рамках. Для некоторых европейцев национальная идентичность осталась в прошлом: один из моих молодых родственников называет себя «лондонцем», не признавая иной географической идентичности. Если от национальной идентичности желательно отказаться, то у нас, судя по всему, не остаётся серьёзных этических оснований для того, чтобы ограничивать приток мигрантов: почему бы не позволить всем жить там, где они хотят?

Отношение к национальной идентичности сильнее всего различается от страны к стране. Во Франции, в США, Китае и странах Скандинавии сохраняется сильное и политически нейтральное чувство национальной идентичности, в то время как в Германии и Великобритании такое чувство эксплуатировалось ультраправыми политиками, и вследствие этого на него было наложено табу. Во многих обществах, где никогда не существовало сильного чувства национальной идентичности, его отсутствие обычно вызывает сожаления и озабоченность. Недавно Майкл Игнатъев поднял в Канаде бурю, признав провал давних попыток связать франкофонных и англофонных канадцев транслингвистическим чувством единой идентичности (см.: [Wente 2012]). В Африке слабость национальной идентичности по отношению к племенной идентичности повсеместно рассматривается как проклятье, борьба с которым входит в число задач, стоящих перед ответственными лидерами. В Бельгии, которой в настоящее время принадлежит мировой рекорд по продолжительности существования без правительства — фламандцы и валлоны никак не могли договориться друг с другом, — никто никогда даже не пытался насаждать единую идентичность. В число моих друзей входит один из бельгийских послов, и однажды за обедом был затронут вопрос о его собственной идентичности. Он со смехом утверждал, что совсем не чувствует себя бельгийцем, но вовсе не потому, что ощущает принадлежность к фламандцам или к валлонам. Скорее, он считал себя гражданином мира. После настойчивых расспросов о том, где именно он в наибольшей степени чувствует себя как дома, он выбрал деревню во Франции. Мне трудно представить себе французского посла, который добровольно высказал бы аналогичные настроения. И Канада, и Бельгия сумели остаться богатыми странами, несмотря на слабое чувство национальной идентичности, однако выбранное ими решение сводится к полной пространственной сегрегации различных языковых групп в сочетании с радикальной децентрализацией политической власти и её делегированием этим субнациональным территориям. С точки зрения практического предоставления общественных услуг Канада и Бельгия являются четырьмя государствами со скрепляющей их идентичностью, а не двумя государствами без такой идентичности. В Великобритании вопрос о национальной идентичности является весьма запутанным вследствие многонационального состава страны, объединённой сравнительно недавно: за исключением некоторых иммигрантов, здесь никто не считает себя в первую очередь британцем. В Шотландии национальная идентичность открыто пропагандируется как составная часть общепризнанной культуры, в то время как английский национализм держится в тени, и английские флаги здесь официально вывешиваются гораздо реже, чем шотландские.

Национализм тоже бывает полезен. Нельзя забывать о его потенциале к злоупотреблениям, однако оказывается, что чувство общей идентичности усиливает способность к сотрудничеству. Людям требуется возможность к сотрудничеству на различных уровнях — от локального до глобального. Общее чувство национальной идентичности — не единственный способ наладить сотрудничество, однако нации

по-прежнему выказывают повышенную склонность к нему. Это оказывается очевидным на примере налогов и публичных расходов: несмотря на то что обе функции осуществляются на многих уровнях управления, наиболее важным из них остаётся национальный. Соответственно, если единое чувство национальной идентичности повышает способность людей сотрудничать на этом уровне, то оно играет действительно важную роль.

Кроме того, общее чувство идентичности повышает предрасположенность людей к готовности перераспределять средства между богатыми и бедными и делиться природными богатствами. Отвращение же к национальной идентичности может оказаться весьма затратным, поскольку оно снижает способность к сотрудничеству и усиливает неравенство в обществе. Но, несмотря на эти соображения, порой от национальной идентичности бывает необходимо отказаться. Если национализм неизбежно ведёт к агрессии, то издержки отказа от него, безусловно, являются приемлемыми. С того момента, как европейский национализм вступил в полосу упадка, Европа наслаждается продолжительным и беспрецедентным периодом мира. Эта связь побуждает таких политиков, как канцлер Ангела Меркель, пропагандировать символы европейского единства — в первую очередь евро — в качестве гарантии против возобновления войн. Однако, делая вывод о том, что упадок национализма повлечёт за собой сокращение насилия, мы путаем причины и следствия: на самом деле отвращение к насилию вызвало упадок национализма. Ещё более важно то, что отвращение к насилию радикально снизило риск его применения. Отношение к насилию претерпело такие глубокие изменения, что в настоящее время европейская война совершенно немыслима.

Я склонен считать, что нам уже не обязательно отказываться от национальной идентичности для того, чтобы оградиться от ужасов национализма. Если общая национальная идентичность полезна, то она может спокойно сосуществовать с нацией, соблюдающей мир. Собственно, мы видим это на примере Скандинавских стран. Каждое из этих обществ не стесняется своего патриотизма, доходящего до соперничества с соседями. Этот регион известен своими войнами: и Швеция, и Дания в течение долгого времени были воинственными обществами, за что расплачивались и Финляндия, и Норвегия. Однако нынешний период продолжительного мира — факт несомненный. И этот мир держится отнюдь не на формальных институтах европейского сотрудничества. Более того, эти формальные институты непреднамеренно разделяют, а не объединяют Скандинавские страны. Норвегия не входит в Европейское сообщество, в отличие от трёх других стран региона. Из числа этих трёх стран только Финляндия состоит в зоне евро. Таким образом, европейские институты, призванные насаждать единство, привели к расколу четырёх Скандинавских стран на три отдельных блока. Скандинавские государства находятся в числе стран с самым высоким уровнем жизни в мире, отличаясь не только значительными частными доходами, но и социальным равенством, а также хорошо налаженными общественными услугами. Несомненно, свою роль при этом сыграли патриотизм и чувство единой идентичности, пусть их вклад и невозможно измерить количественно.

Вероятно, и ответственность перед бедными, и боязнь национализма ещё сильнее запутали вопрос о том, имеют ли общества право на ограничение иммиграции. Самой же мощной на данный момент силой, вдохновлявшей выступления за признание свободы передвижения между странами в качестве естественного права, служила оппозиция расизму. Столь страстное противодействие расизму — с учётом его истории и в Европе, и в Америке — и неудивительно, и вполне оправданно. Большинство выходцев из бедных стран принадлежат к иной расе, нежели коренное население богатых стран, принимающих мигрантов, и потому противодействие иммиграции грозит скатиться к расизму. В Великобритании одно широко известное выступление 1960-х гг. против иммиграции определённо перешло эту грань: нежелательность иммиграции из стран Африки и Южной Азии обосновывалась ужасами неизбежного межэтнического насилия. Эта безрассудная речь давно умершего мелкого политика Эноха Пауэлла (Enoch Powell) имела своим следствием то, что британская дискуссия о миграционной

политике была прервана более чем на 40 лет: сопротивление миграции оказалось столь неразрывно связано с расизмом, что возможность выражать такую позицию сохранилась разве что в маргинальном дискурсе. Откровенно нелепое предсказание Пауэлла о «реках крови» не только сделало дискуссию невозможной, но и превратилось в главное пугало для либералов: предполагалось, что потенциал межрасового насилия между иммигрантами и коренным населением несёт огромную скрытую угрозу. Отныне всё, что теоретически могло разбудить этого спящего дракона, считалось недопустимым.

Табу стало разрушаться лишь в 2010 г. в результате массовой иммиграции из Польши. Британская иммиграционная политика по отношению к полякам носила ярко выраженный либеральный характер. В момент вступления Польши в Европейское сообщество переходные соглашения давали его членам право ограничивать польскую иммиграцию до тех пор, пока экономика этой страны не придёт в соответствие с европейскими нормами. Все крупные страны сообщества, за исключением Великобритании, прилежно ввели такие ограничения. На решение британского правительства отказаться от подобных мер, возможно, повлиял сделанный в 2003 г. прогноз *British Civil Service* (Гражданская служба Великобритании), в котором утверждалось, что восточноевропейская иммиграция в Великобританию будет носить незначительный характер — не более 13 тыс. человек в год. Это предсказание оказалось в корне неверным. Реальная иммиграция в Великобританию из Восточной Европы в течение следующих пяти лет составила около миллиона человек [Dustmann et al. 2003]. Подобная крупномасштабная иммиграция, от души приветствуемая такими семьями, как моя, которые считали наплыв квалифицированной и трудолюбивой рабочей силы весьма полезным, в то же время вызывала широкое возмущение — нередко со стороны местных трудящихся, ощущавших угрозу своему положению. При том, что и одобрение иммиграции, и оппозиция ей основывались на откровенно эгоистической мотивации, ни в том, ни в другом невозможно было усмотреть никаких признаков расизма вследствие принадлежности поляков к белой расе и христианской вере. Решающим и в придачу комическим моментом стал скандал на выборах 2010 г., когда премьер-министру Гордону Брауну забыли отключить микрофон после инсценированного разговора с простой женщиной из толпы, выбранной его штабом. К несчастью, женщина начала сетовать на последнюю волну иммиграции. После этого все услышали, как Браун распекает своих помощников за то, что те выбрали эту «упёртую дуру». Такая демонстрация того, насколько премьер-министр далёк от проблемы, общепризнанно являющейся легитимным источником озабоченности, внесла свой вклад в оглушительное поражение Брауна. Новое руководство Лейбористской партии принесло извинения, заявив, что прежняя политика открытых дверей была ошибочной. Кажется, в Великобритании наконец-то снова стало можно говорить об иммиграции, не рискуя прослыть расистом.

А может быть, и нет. Поскольку расовая принадлежность коррелирует с прочими отличительными чертами (такими, как уровень благосостояния, религия и культура), не исключено, что любые ограничения на миграцию, введённые на основе этих критериев, всё равно будут восприниматься как троянский конь расизма. В таком случае открытое обсуждение вопроса о миграции по-прежнему невозможно. Я решил написать эту книгу лишь после того, как сделал вывод о том, что мы уже в состоянии провести различие между такими понятиями, как раса, бедность и культура. Расизм как концепция — это убеждение в существовании генетических различий между расами, хотя это мнение не подтверждается никакими фактами. Бедность обусловлена низким уровнем доходов, а не генетикой: сохранение массовой бедности при наличии технологий, обеспечивающих простым людям процветание, является скандальной чертой и крупной проблемой нашего века. Культура не наследуется генетически; она представляет собой изменчивое сочетание норм и привычек, порождающих важные материальные последствия. Отказ учитывать расово обоснованные различия в поведении — это проявление человеческого достоинства. Отказ же учитывать культурно обусловленные различия в поведении был бы слепым отрицанием очевидных фактов.

Полагаясь на законность этих различий, я в то же время в полной мере отдаю себе отчёт в том, что мои суждения могут оказаться ошибочными. Этот момент важен, потому что, как мы увидим, решения, принимаемые в сфере публичной политики, в значительной степени зависят от имущественных и культурных различий. Если считать, что все эти соображения служат не более чем прикрытием для расизма, то лучше вообще отказаться от такой дискуссии, по крайней мере, в Великобритании: возможно, мы всё ещё не вышли из длинной тени Эноха Пауэлла. Таким образом, моё рабочее допущение сводится к тому, что право жить где бы то ни было не является логическим следствием противодействия расизму. Не исключено, что у людей действительно есть такое право, и я ещё вернусь к этому вопросу, но его невозможно обосновать одной лишь ссылкой на законную обеспокоенность бедностью, национализмом и расизмом.

Возьмём три группы людей: самих мигрантов; тех, кого они оставляют в своей родной стране; коренное население принимающей их страны. Нам нужны теории и факты, которые бы позволили разобраться с тем, какая судьба ждёт каждую из этих групп. Вопрос о первой группе — о самих мигрантах — мы временно отложим, потому что он наиболее прост. Перед мигрантами встают издержки преодоления весьма серьёзных барьеров к передвижению, но потом они пожинают экономические блага, намного превышающие эти издержки. Мигрантам достаётся львиная доля экономических выгод, обеспечиваемых миграцией. Из некоторых новых и весьма интригующих фактов следует, что эти серьёзные экономические выгоды частично, а может быть, и существенно, нивелируются психологическими потерями. Впрочем, несмотря на поразительность этих фактов, в нашем распоряжении имеется слишком мало надёжных исследований для того, чтобы судить об общей значимости самих этих фактов и их последствий.

Вопрос о второй группе — о тех людях, которые остаются жить в бедных странах, являющихся источником миграции, — в первую очередь и вдохновил меня на написание этой книги. Речь идёт о беднейших обществах в мире, за последние полвека сильно отставших от процветающего большинства. Выкачивает ли эмиграция из этих обществ те возможности, которых им и без того отчаянно не хватает, или же она служит для них спасательным кругом и подталкивает их к изменениям? Если в качестве точки отсчёта при изучении воздействия миграции на тех, кто остался дома, выбрать политику наглухо запертой двери, то окажется, что миграция существенно повышает их благосостояние. То же самое можно сказать и о других типах экономического взаимодействия между беднейшими обществами и остальным миром: торговать лучше, чем не торговать, а перемещение капитала лучше полной неподвижности финансов. Однако изучать беднейшие общества, используя автаркию в качестве отправной точки, — занятие неинтересное и бессмысленное: на этой основе невозможно выстроить никакой серьёзный политический анализ. Уместной отправной точкой, как и в случае с торговлей и потоками капитала, является статус-кво по отношению не к автаркии, а к более энергичной либо к более вялой эмиграции. Ниже будет показано, что при отсутствии сдерживающих мер эмиграция из беднейших стран ускоряется, и им грозит массовый исход. Тем не менее миграционную политику определяют не бедные страны, а богатые. Задавая темп прибытия иммигрантов, власти богатых стран тем самым непреднамеренно устанавливают темп эмиграции из беднейших обществ. Идеальны ли нынешние темпы, даже если наличие миграции положительно сказывается на этих обществах? Не пойдёт ли этим обществам на пользу, если миграция несколько ускорится или несколько замедлится? Подобная постановка вопроса до недавнего времени делала ответ на него невозможным. Но из новых и чрезвычайно тщательных исследований вытекает, что для многих обществ из «нижнего миллиарда» нынешние темпы миграции, вероятно, являются чрезмерными. Десятилетие назад аналогичная работа заложила основу для пересмотра политики в сфере перемещений капитала. Политические изменения всегда сильно отстают от исследований, но в ноябре 2012 г. Международный валютный фонд объявил, что перестает рассматривать отсутствие препятствий для потоков капитала в качестве политики, при любых условиях оптимальной для бедных стран. Подобные нюансированные оценки неизменно приводят в ярость фундаменталистов, выводящих свои политические предпочтения из моральных приоритетов.

Последний вопрос — о коренном населении в обществах, принимающих мигрантов, — наверняка непосредственно затрагивает большинство читателей данной книги, и потому мы начнём именно с него. Каким образом размах и темп иммиграции влияют на социальное взаимодействие как между коренными жителями и иммигрантами, так и между самими коренными жителями? Какое экономическое влияние иммиграция оказывает на различные профессиональные и возрастные когорты коренного населения? Как эти последствия изменяются с течением времени? В отношении коренного населения стран, принимающих миграцию, встаёт та же самая проблема точки отсчёта, что и в отношении населения стран, являющихся источником миграции. В настоящее время такой точкой отсчёта служит не нулевая миграция, а такие её значения, которые несколько отличаются от текущего уровня миграции в ту или в иную сторону. Несомненно, всё зависит от конкретной страны: на слабозаселённой Австралии иммиграция сказывается совсем не так, как на густозаселённых Нидерландах, например. При попытке ответить на этот последний вопрос я укажу, что социальные последствия в большинстве случаев окажутся более значимыми, чем экономические, которые обычно бывают скромными. Чистое влияние миграции на наименее обеспеченные слои коренного населения, скорее всего, будет отрицательным.

Длительный экскурс по трём этим отдельным темам даст нам строительные блоки для общей оценки миграции. Однако, чтобы перейти от описания к оценке, нам потребуются как аналитические, так и этические рамки. Аналитика и этика, используемая в типичной работе, защищающей миграцию, влечёт за собой тривиализацию данной проблемы, потому что получается, что все важные эффекты работают в одном и том же направлении, в то время как от противоположных эффектов отмахиваются как от «сомнительных», «несущественных» или «краткосрочных». Но любой честный анализ должен исходить из наличия победителей и проигравших при том, что даже оценка общего влияния на конкретную группу может оказаться неоднозначной, так как она зависит от того, как сравнивать друг с другом потери и приобретения. Если одни люди оказываются в выигрыше, а другие — в проигрыше, то чьи интересы следует учитывать в первую очередь? Экономический анализ миграции в большинстве случаев даёт чёткий и убедительный ответ: победители приобретают гораздо больше, чем теряют проигравшие, а значит, горе побеждённым. Даже при использовании такого простого критерия, как денежный доход, мы найдём, что выгоды намного превышают потери. Однако экономисты обычно отказываются от денежного критерия в пользу гораздо более изощрённой концепции «пользы», и в этом случае общие выгоды от миграции получаются ещё более крупными. Для многих экономистов такой ответ решает дело: необходимо проводить такую миграционную политику, которая влекла бы за собой максимум пользы в глобальном масштабе.

В пятой, заключительной части книги этот вывод будет мной оспорен. Я утверждаю, что права нельзя приносить в жертву такому сомнительному понятию, как «глобальная польза». Нации являются важными и законными нравственными единицами: собственно, мигрантов как раз и привлекают плоды успешного существования наций. Само наличие национального государства наделяет правами его граждан, особенно бедное коренное население. От его интересов невозможно отмахиваться, ссылаясь на глобальную пользу и приносимые ею блага. В ещё более уязвимой позиции, чем бедные коренные жители стран, принимающих мигрантов, находятся люди, остающиеся там, откуда те уехали. И те, и другие сильнее нуждаются и намного более многочисленны, чем сами мигранты. Но, в отличие от бедного коренного населения стран, принимающих мигрантов, у них нет никакой возможности как-то повлиять на миграционную политику: их собственные власти не в состоянии контролировать темп эмиграции.

Миграционную политику устанавливают власти стран, принимающих миграцию, а не тех стран, которые служат её источником. В любом демократическом обществе правительство должно соблюдать интересы большинства его граждан, однако те вправе высказывать озабоченность положением как бедных коренных жителей, так и населения беднейших обществ. Выбирая миграционную политику, власти

стран, принимающих мигрантов, должны сопоставлять интересы бедного коренного населения с интересами мигрантов и тех, кто остаётся жить в бедных странах.

Буйная компания ксенофобов и расистов, враждебных к иммигрантам, не упускает возможности напомнить о том, что миграция пагубно сказывается на коренном населении. Понятно, что это вызывает соответствующую реакцию: отчаянно стараясь не давать этим группам новых козырей, представители общественных наук изо всех сил стремятся показать, что миграция полезна для всех. При этом, сами того не желая, они дают ксенофобам возможность задать вопрос: «Так миграция — это хорошо или плохо?» Ключевая идея данной книги состоит в том, что этот вопрос некорректен. Задавать его так же бессмысленно, как спрашивать: «Еда — это хорошо или плохо?» В обоих случаях более уместным был бы вопрос не о том, хорошо ли это или плохо, а о том, какое количество того и другого является оптимальным. Немного миграции почти наверняка лучше, чем её полное отсутствие. Но точно так же, как обжорство вредно для здоровья, так и миграция может быть чрезмерной. Ниже я покажу, что миграция, предоставленная сама себе, будет ускоряться, и потому с большой вероятностью приобретёт избыточный размах. Именно поэтому средства контроля над миграцией, отнюдь не будучи неприятным пережитком национализма и расизма, будут становиться всё более важными инструментами социальной политики во всех богатых обществах. Неприятно не само их существование, а их непродуманность, которая, в свою очередь, является результатом табу, препятствующего серьёзной дискуссии.

Данная книга представляет собой попытку разрушить это табу. Я прекрасно осознаю, что эта попытка, как и все начинания подобного рода, включает определённый риск. Фундаменталисты, стоящие на страже ортодоксальных взглядов, готовы пустить в ход свои фетвы. Тем не менее пора начинать, и начнём мы с того, что разберёмся, почему миграция ускоряется с течением времени.

Литература

- Benabou R., Tirole J. 2011. Identity, Morals, and Taboos: Beliefs as Assets. *Quarterly Journal of Economics*. 126 (2): 805–855.
- Dustmann C. et al. 2003. *The Impact of EU Enlargement on Migration Flows*. Home Office Online Report 25/03. Research Development and Statistics Directorate, Home Office: London, UK. URL: http://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/reports/HomeOffice25_03.pdf
- Haidt J. 2012. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon.
- Kahneman D. 2012. *Thinking Fast, Thinking Slow*. London: Penguin.
- Wente M. 2012. Michael Ignatieff was Right about Quebec. *The Globe and Mail*. April 26. URL: <http://www.theglobeandmail.com/globe-debate/michael-ignatieff-was-right-about-quebec/article4102623/>

BEYOND BORDERS

Paul Collier

Exodus: How Migration is Changing Our World

COLLIER, Paul —

Professor of Economics and Public Policy, the Blavatnik School of Government, Oxford University; Director of the Centre for the Study of African Economies. Address: 10 Merton Street, Oxford OX1 4JJ, United Kingdom.

Email: paul.collier@economics.ox.ac.uk

Abstract

In his book *Exodus: How Migration is Changing Our World*, Prof. Collier continues economic research on the poorest nations in the contemporary world. The author focuses on consequences of immigration flows from poor developing countries to rich developed ones. To study migration, Collier raises three questions: (1) why do migrants decide to move from one country to another? (2) does emigration benefit or harm people who decide not to leave their home country? (3) what impact do migrants produce on host country citizens? In his search for answers to these questions, Professor Collier summarizes original research and case studies.

Journal of Economic Sociology presents Chapter 1, “The Migration Taboo,” in which Professor Collier defines the research problem and argues that scholars tend to avoid migration issues related to movements of people from poorer countries to richer ones as a focal point of their research. The reason for such avoidance is

that this topic is strongly associated with socially explosive issues related to nationalism and racism. However, the author points out one possible way to deal with migration issues, implying reconsideration of the key question for research on migration, namely — not to think of migration in terms of good or bad but to aim at defining the optimality of migration flows for both sending countries and receiving countries.

Keywords: poverty; global economy; migration policy; national identity; moral values; economic approach.

References

- Benabou R., Tirole J. (2011) Identity, Morals, and Taboos: Beliefs as Assets. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 126, no 2, pp. 805–855.
- Dustmann C., Casanova M., Fertig M., Preston I., Schmidt C. M. (2003) *The Impact of EU Enlargement on Migration Flows*. Home Office Online Report 25/03. Research Development and Statistics Directorate, Home Office: London, UK. Available at: http://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/reports/HomeOffice25_03.pdf (accessed 28 February 2015).
- Haidt J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*, New York: Pantheon.
- Kahneman D. (2012) *Thinking Fast, Thinking Slow*, London: Penguin.
- Wente M. (2012) Michael Ignatieff was Right about Quebec. *The Globe and Mail*. April 26. Available at: <http://www.theglobeandmail.com/globe-debate/michael-ignatieff-was-right-about-quebec/article4102623/> (accessed 28 February 2015).

Received: January 10, 2015.

Citation: Collier P. Iskhod: kak migratsiya menyaet nash mir [Exodus: How Migration is Changing Our World] (an excerpt). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 2, pp. 12–23. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/en/2015-16-2.html> (in Russian).